

ЛЕВ РЕГЕЛЬСОН

ТРАГЕДИЯ 1917 1953 РУССКОЙ

ЦЕРКВИ

ИСТОРИЯ КРУШЕНИЯ
ХРИСТИАНСТВА
В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ

Лев Регельсон

**Трагедия Русской
церкви. 1917–1953 гг.**

«Центрполиграф»

2017

УДК 261.7
ББК 63.3

Регельсон Л. Л.

Трагедия Русской церкви. 1917–1953 гг. / Л. Л. Регельсон —
«Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-07496-6

Лев Львович Регельсон – фигура в некотором смысле легендарная вот в каком отношении. Его книга «Трагедия Русской церкви», впервые вышедшая в середине 70-х годов XX века, долго оставалась главным источником знаний всех православных в России об их собственной истории в 20–30-е годы. Книга «Трагедия Русской церкви» охватывает период как раз с революции и до конца Второй мировой войны, когда Русская православная церковь была приближена к сталинскому престолу.

УДК 261.7
ББК 63.3

ISBN 978-5-227-07496-6

© Регельсон Л. Л., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Предисловие автора к первому изданию[1]	6
Послесловие протоиерея Иоанна Мейендорфа к первому изданию[3]	11
Послесловие автора ко второму изданию[4]	18
Послесловие автора к третьему изданию[5]	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лев Львович Регельсон

Трагедия Русской церкви. 1917–1953 гг.

© Л.Л. Регельсон, 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

© «Центрполиграф», 2017

Предисловие автора к первому изданию¹

Замысел этой работы, посвященной истории Русской православной церкви после 1917 года, складывался в непосредственной и органической связи с теми духовными исканиями и событиями, которыми отмечена Ее история за последние десять лет. Открытое письмо патриарху отцов Н. Эшлимана и Г. Якунина положило начало постепенному просветлению той туманной атмосферы благочестивого мифа, которая скрывала правду о Русской церкви от нее самой и от ее искренних друзей. Значительность и новизна этого духовного акта заключалась не только в обличении государственного насилия над Церковью, хотя и это было сделано с большей энергией и убедительностью, чем кем бы то ни было прежде.

Главное заключалось в преодолении той бездуховной прикованности к внешней стороне жизни, которая в современной России заставляет каждого искать корни своих болезней где угодно, но только не в себе самом. Обычное бессильное негодование против лживости и жестокости государственной политики начало сменяться стремлением «навести порядок в собственном доме», не дожидаясь возникновения «благоприятных условий», ибо для духовного, церковного делания всякое время благоприятно, и время скорбей и гонений, быть может, благоприятно в наибольшей степени.

Отрезвляющее впечатление, произведенное «Открытым письмом», было связано не столько с разоблачением очередной попытки насильственного уничтожения Церкви, сколько с разоблачением той дряблости церковного духа, той вовлеченности в мирскую стихию, той зараженности страхом и ложью, которые обнаружились при этом в самой Русской церкви, в особенности в ее высшей иерархии.

Однако, когда встал вопрос о выходе из этого болезненного и невыносимого состояния, вскоре стало очевидным, что путь обличений и призывов, направленных к архиереям, также несостоятелен. Хотя несомненно, что преодоление всякого церковного кризиса начинается с личного духовного подвига, а характер нынешнего кризиса требует этого подвига прежде всего от епископов, однако именно здесь вскрывается самая глубокая болезнь современной русской церковности, наглухо закрывающая возможность для такого спасительного усилия.

Трагизм нынешнего положения – не в том, что патриарх и большинство епископов избрали путь малодушного сервизма, усугубляющий в новых условиях худшие традиции эпохи церковно-государственной симфонии, но в том, что усилия отдельных ревнителей сохранить Церковь от растрепки и разрушения пресекались не только государственным насилием, но прежде всего и главным образом – насилием церковно-административным.

Ярким прецедентом, убившим всякую надежду отдельных епископов на возможность самостоятельной церковной инициативы, была судьба владыки Ермогена (Голубева), который в период «хрущевского гонения» сумел, опираясь на поддержку духовенства и верующего народа, не выходя за рамки гражданской законности, успешно противостоять государственному нажиму. В двух епархиях он сохранил храмы от закрытия в период, когда была ликвидирована половина приходов Русской церкви. Однако владыка Ермоген, проявивший реальность своей архипастырской власти перед лицом гражданских чиновников, оказался духовно безоружным перед насилием со стороны тех же чиновников, когда оно осуществилось не прямо, а через посредство патриарха Алексия, устранившего владыку Ермогена под видом «увольнения на покой» от архиерейского служения и сославшего его в удаленный монастырь. Аналогичная судьба постигла тех епископов, которые пытались возражать против постановления церковного управления, изъявшего контроль над церковным имуществом из рук иерархии и передавшего этот контроль в руки старост, а через них – в руки местных органов гражданской власти.

---

¹ Париж. ИМКА-Пресс, 1977.

В сознании и сердце епископов не мог не возникнуть трагический конфликт между требованиями церковной совести и архиерейского долга, с одной стороны, и требованием административного послушания патриарху – с другой. Конфликт этот неизменно решался в пользу послушания, порождая чувства уныния, безнадежности, бесплодности каких-либо попыток проявления церковной инициативы, в малейшей степени противоречащей очередному повороту курса государственно-церковной политики. Однако всякий другой путь казался покушением на величайшую святыню – церковное единство...

Такой принципиальный разлад в недрах церковной совести, такой безысходный конфликт между требованиями церковной правды и церковного единства свидетельствовал, конечно, не о том, что Церковь не может сохранить свою чистоту в условиях недоброжелательства гражданской власти, но о том, что существует глубокий дефект в самом церковном сознании, в самом понимании природы и структуры Церкви. Как следствие этого дефекта сознания над Русской церковью нависла, с одной стороны, угроза распада на враждующие между собой части с различной политической ориентацией, с другой – угроза «канонического плена», позволяющего одному человеку, ставшему патриархом не без помощи «мирских начальников», завести церковь в бездну духовного падения, явным образом не нарушая при этом букву православных догматов.

Реальность первой угрозы доказывается опытом церковных расколов 20-х годов, а также тем фактом, что и в настоящее время Русская церковь распадается, по крайней мере, на пять частей: две на территории СССР – Московская патриархия и катакомбная Церковь, малочисленная, но хранящая богатое духовное наследие, и три «юрисдикции» за рубежом – синодальная («Карловацкая»), западно-европейская и американская, каждая из которых, по-видимому, остается в глубинном экклезиологическом смысле принадлежащей к Русской церкви, несмотря на все временные попытки того или иного решения проблемы административно-канонического управления.

Реальность второй угрозы – «канонического плена» – доказывается постепенной эрозией православного церковного сознания, вызываемой длительным и настойчивым воздействием на него со стороны официальной государственной идеологии через посредство Высшего Церковного Управления. Эта постепенная эрозия едва не перешла в духовную катастрофу, когда после смерти патриарха Алексия возникла вполне реальная возможность, что патриархом Русской церкви станет митрополит Никодим (Ротов).

В «Обращении к Поместному собору 1971 г.» священника Н. Гайнова и мирян Ф. Карелина, Л. Регельсона и В. Капитанчука на основании тщательного исследования было показано, что митрополит Никодим с группой богословов на протяжении многих лет развивал и насаждал в Русской церкви новое, соборно не обсуждавшееся учение в духе апокалиптического религиозного коммунизма, в котором давалась новая догматическая формулировка тех основ христианской веры, которые не были сформулированы в Догматах вселенских соборов.

Ни в какой степени не отрицая свободы богословского творчества в Православной церкви, авторы «Обращения», помимо анализа сомнительных аспектов нового учения, указали на тот глубоко тревожный факт, что внедрение нового учения и с ним новой духовности производилось путем целенаправленной смены состава епископата, так что несколько десятков новых епископов были поставлены под влиянием и по выбору митрополита Никодима, пытавшегося таким образом усилить свои позиции среди русской иерархии. При существующей практике иерархического взаимоотношения между патриархом и епископами ничто не могло помешать митрополиту Никодиму, если бы он стал патриархом, сменить весь состав русского епископата. Очередное колебание государственной политики, совершившееся – мы верим – не без Промысла Божьего, помешало митрополиту Никодиму прийти к власти в Церкви и привело к этой власти иерарха более консервативного в отношении богословских новшеств. Однако пережитая опасность с ужасающей очевидностью вскрыла тот факт, что в сознании и в прак-

тике Русской церкви, во всяком случае в той ее части, которая административно подчинена Московской патриархии, нет никаких начал, никаких принципов, которые могли бы воспрепятствовать такому духовному насилию над всей Церковью со стороны одного иерарха, вставшего во главе Церковного Управления и пользующегося поддержкой государственной власти.

При всем этом для православного сознания представлялось несомненным, что патриаршество, восстановленное Поместным собором 1917–1918 гг., является величайшим духовным достоянием Русской церкви, так что принципиальный экклезиологический разрыв с патриархом, какими бы личными недостатками патриарх ни обладал, чреват возникновением какой-то глубинной ущербности церковной жизни. Эта ущербность реально переживалась в опыте отделившихся от патриарха группировок Русской церкви, несмотря на сохранение ими чистоты веры, благодатности таинств и свободы от внедрения в Церковь чужеродных ей государственных начал.

Положение казалось безвыходным: ради сохранения одного аспекта церковности необходимо было жертвовать другими – с чем православное сознание примириться не могло, ибо такой вывод означал бы частичное разрушение веры в Церковь.

Невозможность найти положительное разрешение вопроса, оставаясь в рамках привычных понятий и исторических прецедентов, свидетельствовала о том, что Русская церковь поставлена перед лицом глубокого экклезиологического кризиса, выход из которого не может осуществиться иначе, как путем углубления и прояснения православного понимания природы Церкви – в аспекте церковного устройства.

Такое углубление экклезиологического сознания не может быть, однако, достигнуто без приобщения к реальному опыту исторического становления Церкви, в котором и осуществляется откровение Ее природы.

Между тем, в сознании большинства членов Русской церкви в настоящее время имеется зияющий провал церковно-исторической памяти, причем провал этот относится к наиболее содержательному и духовно напряженному периоду русской церковной истории – тому периоду, в который зарождался нынешний церковный кризис и, одновременно, вынашивались возможности его разрешения.

Отсюда становится ясным, что первым шагом к выходу из кризиса должно быть восполнение этого пробела, и лишь приобщение к этому беспрецедентному опыту может дать прочное основание для всех последующих духовных усилий. Работа по осмыслению материала, относящегося к истории Русской православной церкви после Поместного собора 1917–1918 гг., началась сразу же после опубликования «Открытого письма» двух священников и с перерывами продолжалась все эти годы.

Хотя данное исследование непосредственно написано одним человеком, однако автор считает своим правом и долгом назвать тех лиц, которые принимали участие в этом осмыслении: отцы Николай Эшлиман и Глеб Якунин, Феликс Карелин, Виктор Капитанчук и Евгений Барабанов. Каждый из них внес решающий духовный вклад в понимание того или иного аспекта духовных проблем, возникших в связи с этой работой, так что отсутствие одного из названных лиц, скорее всего, привело бы к тому, что данная работа не появилась бы на свет. Соборность процесса осмысления, разумеется, не снимает с автора полной ответственности за понимание и изложение как частных вопросов, так и общих выводов.

Автор выражает благодарность отцу Николаю Педашенко, отцу Сергию Желудкову, а также Анатолию Левитину и ряду других лиц за обсуждение отдельных моментов русской церковной истории, в которых они принимали личное участие; отцам Г. Якунину и Н. Педашенко, а также Е. Барабанову и М. Агурскому за помощь в собирании необходимых документов и книг.

Особо должна быть отмечена роль тех ревностных тружеников, которые посвятили свою жизнь собиранию и хранению уникальных или труднодоступных материалов по истории Русской церкви.

Ценнейший архив таких материалов был изъят следственными органами во время паломничества нескольких участников этой работы в Новый Афон в 1968 г. и до сих пор не возвращен. Потеря, казавшаяся невосполнимой и вынудившая на время отложить работу, милостью Божией была впоследствии возмещена с лихвой².

Отметим, далее, те исследования, на которые автор более всего опирался при сборе и анализе исторического материала. Для периода 1922–1924 гг. одним из основных источников явилось фундаментальное исследование А. Левитина и В. Шаврова «Очерки по истории русской церковной смуты 20–30-х годов XX века», тт. 1–3 (М.: Самиздат, 1960), посвященное обновленческому расколу. Богатый, хотя далеко не полный, материал по истории гонения на Церковь в 1918–1925 гг. дает ставшая библиографической редкостью, но и теперь остро актуальная работа А.А. Валентинова «Черная книга» («Штурм небес») (Париж, 1925; с вводной статьей Петра Струве). Незаменимым пособием явилась единственная в своем роде книга протоиерея М. Польского «Новые мученики российские» (Джорданвилль. Т. 1, 1949; Т. 2, 1957). Хотя некоторые духовные установки М. Польского представляются спорными, однако значение этой книги для церковного читателя в СССР, если бы она была ему хоть в какой-то степени доступна, трудно переоценить.

Для изучения церковной оппозиции против митрополита Сергия (Страгородского) в конце 20-х годов важную роль сыграла диссертация архимандрита (теперь архиепископа) Иоанна Снычева «Церковные расколы в Русской церкви 20-х и 30-х годов XX столетия» (1965), написанная по материалам и под руководством митрополита Мануила (Лемешевского), сохранившего для истории многие важнейшие сведения о той эпохе. Работа архимандрита И. Снычева ценна еще и тем, что она представляет собой наиболее разработанную попытку серьезной и вполне искренней апологии церковной позиции митрополита Сергия. Шеститомный словарь русских епископов митрополита Мануила (Самиздат) явился уникальным источником для исследования изменений состава русской иерархии и для получения биографических сведений о епископах.

Отметим также небольшую, но содержательную статью католического священника А. Дейбнера «Русские иерархи под игом безбожников» (Париж. Благовест. 1931. № 4).

---

² Речь идет об анонимном машинописном сборнике документов, который был мне передан Е. Барабановым, когда работа над книгой близилась к завершению. Во всяком случае, после 9 лет размышлений, собеседований и анализа доступных материалов основные выводы и оценки по поводу церковных событий 1920-х гг. были уже сделаны. Тем не менее новый сборник оказал неоценимую помощь, т. к. позволил сделать эти выводы более убедительными и всю картину – значительно более полной. Я обозначил выписки из этого сборника ссылкой «Сб. док. 2», тогда как ссылкой «Сб. док. 1» отмечены документы из архива, собранного отцами Н. Эшлиманом и Г. Якуниным. Часть документов из обоих архивов я уточнил по первоисточникам, которые удалось тогда найти в библиотеках – в основном из советской печати 20-х гг., и ссылаюсь уже на них. В дальнейшем я заменил ссылку «Сб. док. 2» на «М. Губонин». Значительно позже мне стало известно имя человека, составившего этот, для того времени уникальный по своей полноте, сборник: Губонин Михаил Ефимович. В качестве оценки его труда, которую я полностью разделяю, приведу слова д.и.н. С.С. Бычкова (Большевики против Русской церкви. М, 2006. С. 21–22): «Потомки вряд ли смогут по достоинству оценить подвиг М.Е. Губонина. Но мы, пережившие последние гонения агонизирующего большевистского режима, обыски и допросы, вполне представляем тот риск, на который сознательно пошел М.Е. Губонин, собирая и храня документы 20–30-х годов. В случае обнаружения этих церковных документов во время обыска он неминуемо был бы осужден на долгие годы тюрьмы или лагеря. Михаил Ефимович был не только собирателем и составителем летописи. Он, быть может, первым попытался осмыслить ключевые события в жизни Русской церкви... Мы, потомки, должны склонить голову перед исповедническим трудом М.Е. Губонина». Сборник М.И. Губонина был издан только в 1994 г., причем с большими купюрами. С.С. Бычков пишет об этом: «Печально, что издатели собранной им летописи, преподаватели Свято-Тихоновского богословского института, сочли возможным цензурировать его труд. Вместо того, чтобы дополнить его новыми, уже опубликованными в начале 90-х годов документами, они сознательно опускали те документы, которые искажали их концепцию. Суть этой концепции можно выразить очень просто – прошлое должно представлять перед нами подобно ученической работе, выправленной всезнающим учителем, без присущих истории трагических ошибок...»

Граждански-правовой аспект положения Церкви в СССР в 20-е годы обстоятельно рассмотрен в ряде статей в журнале «Путь» (в частности, И. Стратоновым).

Данное исследование состоит из двух частей: в первой части рассматриваются с авторских позиций узловые моменты русской церковной истории 1917–1945 гг. Вторая часть представляет собой научно-историческое приложение, в которое входят: 1) история Русской церкви этого периода в датах и документах; 2) изменение состава русского епископата по годам и 3) биографические сведения о епископах, находившихся в церковной оппозиции к митрополиту Сергию. Перенесение во вторую часть всего объема фактических сведений позволило избежать чрезмерной перегруженности первой части.

Позиция автора, безусловно, отразилась и в подборке цитируемых в Приложении документов, хотя он стремился к тому, чтобы в этой подборке были представлены различные точки зрения и чтобы основные темы можно было проследить в их развитии. Автор надеется, что односторонность, неизбежная в данном исследовании, будет преодолена в дальнейшем издании возможно более полного, объективного и беспристрастного сборника документов, который составит несколько объемистых томов.

В настоящем исследовании, несомненно, будут обнаружены ошибки и неточности. Если ошибки в авторской позиции могут быть исправлены только соборным церковным обсуждением, то научно-исторические и литературные дефекты, возможно, удалось бы уменьшить при наличии времени и сил. Учитывая реальную опасность, что возможность дальнейшей работы может в любой момент прерваться, автор решается выпустить этот труд в несколько незавершенном виде. Слишком велик долг перед мучениками Русской церкви, чтобы можно было далее откладывать эту попытку свидетельства об их подвиге и духовных исканиях.

Цель автора не в том, чтобы заставить услышать себя, но в том, чтобы помочь услышать их. Большую часть исследования составляют выдержки из подлинных церковных документов, в своей совокупности не известных почти никому в Русской церкви. Авторский текст сведен до минимума и служит задаче выделения – из всего богатства церковного свидетельства – нескольких основных идей и тенденций, наиболее важных для решения церковных проблем сегодняшнего дня.

Москва, 1977 г.

Послесловие протоиерея Иоанна Мейендорфа к первому изданию³

Автор настоящей книги принадлежит к молодому поколению русской интеллигенции. Он и его современники пришли к Православной церкви путем сознательного обращения ко Христу, хотя по воспитанию они принадлежат к советскому обществу, из которого религия искореняется вот уже почти шестьдесят лет. Весьма знаменателен тот факт, что эта первая – на русском языке – попытка написать очерк истории Русской православной церкви в страшные годы гонений 20-х и 30-х годов появляется именно сейчас в России, хотя напечатать свой труд на родине автор, конечно, не может. Религиозное возрождение в среде молодой интеллигенции не может обойти вопросы: в какую Церковь она призвана обращаться? Какова природа современного русского православия? Каково место Церкви в трагической истории революции и ее последствий?

Справедливы ли обвинения антирелигиозной пропаганды в том, что православное духовенство в своем неприятии марксизма всегда руководилось лишь корыстными интересами и мечтой о политической реставрации монархии? Правда, никакая «официальщина» и тем более официальная пропаганда особенным доверием не пользуется среди современной интеллигенции, но вопрос о том, почему органы самой Церкви, т. е. Московской патриархии, подтверждают государственную версию событий, отрицают наличие гонений на религию, хотя закрытие церквей, дискриминация верующих, колоссальные налоги, облагающие и приходы, и духовенство, являются легко наблюдаемыми фактами советской действительности, не может быть обойден. И поэтому: если официальная версия о положении Церкви является ложной, не пришло ли время восстановить истину и, особенно, возродить память и культ мучеников?

Но на все эти вопросы можно ответить, только восстановив исторические факты последних десятилетий и сделав их доступными широкой общественности. Так же как без восстановления памяти об «Архипелаге» Россия не может возродить свою совесть, так и православие не может строить будущее без памяти о прошлом и, особенно, без памяти о своих мучениках, на телах которых христиане первых веков совершали евхаристию и кровью которых Русская церковь жива и сейчас. Попытка Льва Регельсона собрать материалы о событиях и лицах, ответственных за жизнь Церкви в переходные годы между революцией и Второй мировой войной, есть не только исторический труд, но и весьма своевременный манифест преданности всему честному, чистому и святому в жизни Церкви.

Автор имел доступ к частным архивам и переписке, пользовался воспоминаниями и неопубликованными рукописями (среди которых важное место занимает шеститомный словарь русских епископов этого периода, составленный митрополитом Куйбышевским Мануилом (Лемешевским) до его кончины в 1969 г.). Это не значит, конечно, что все выводы Льва Регельсона могут рассматриваться как окончательные. Не подлежит сомнению, что огромное количество документов осталось ему недоступным. В настоящий момент невозможно даже поставить вопрос о «нормальном» исследовании новейшего периода истории Русской церкви. Можно только мечтать о продолжении «подпольного», личного собирания сведений, начатого автором. Только понемногу лица, обстоятельства, падения, а также истинные Божьи чудеса будут становиться известными и общая историческая картина начнет выясняться. Героический труд Льва Регельсона, несомненно, послужит основой историографии Русской церкви нового периода, но он требует продолжателей.

---

³ Париж: ИМКА-Пресс, 1977.

Среди материалов, не использованных автором, имеются и заграничные издания. Л. Регельсон имел под рукой только некоторые из них: о «Новых мучениках» протоиерея М. Польского, «Путь моей жизни» митрополита Евлогия и др. Но ему не были доступны книги, напечатанные на немецком, английском и французском языках. Многие из этих иностранных изданий имеют несомненную ценность для выяснения церковной политики патриарха Тихона и местоблюстителя Сергия. Я имею в виду, например, книги: католического иеромонаха Хризостома – *Kirche Ngeschichte Russlans der Neuesten Zeit*, Freiburg, 1968 (иеромонах Хризостом сам был участником и свидетелем церковной жизни в России в 20-х и 30-х годах); William C. Fletcher. *A study in survival. The Church in Russia, 1927–1943*, London, SPCK, 1965; Harvey Fireside. *Icon and Swastika: The Russian Orthodox Church under nazi and Soviet Control*, Cambridge, Mass. Harvard University Press, 1971, и многие другие.

Хотя эти авторы и не имели в руках тех источников, которыми пользовался Регельсон, и, конечно, не пользовались тем личным (а потому незаменимым) опытом, который принадлежит современному участнику церковной жизни, тем не менее и в их трудах есть факты и оценки, существенно дополняющие материалы, собранные Регельсоном. Из важных русских заграничных изданий автору неизвестны книги: Т.В. Троицкий. «Что такое живая церковь?» (Варшава, 1928), с замечательной оценкой обновленчества как своеобразного бунта белого духовенства против епископата; воспоминания бывшего сотрудника патриарха Тихона и митрополита Сергия протопресвитера Василия Виноградова «О некоторых важнейших моментах и деятельности последнего периода жизни свят. патриарха Тихона» (Мюнхен, 1959) (прот. В. Виноградов был членом Высшего Церковного Совета при патриархе Тихоне в 1924 г.).

Но если эти издания могут дополнить содержание книги Регельсона, то эта последняя дает канву, в рамки которой входят отдельные события и материалы, описываемые в других источниках, и сама содержит огромное количество неизвестных до сих пор фактов и документов. Можно спорить в отдельных случаях с критериями и «духовным стилем» автора при подборе фактов. Необходимо ли было, например, включать известия о явлениях Божьей Матери в Фатиме в ряд «дат и документов» истории Русской церкви? Но не «духовный стиль» книги представляет её главный интерес, а общая концепция автора, имеющая огромное значение не только для оценки событий внутри России, но и для суждения о зарубежных русских церковных образованиях.

Следующие положения нам кажутся самыми важными для понимания исторической концепции Регельсона:

1. Его история есть, преимущественно, история русского епископата в послереволюционный период: в книге очень мало данных о жизни и взглядах рядового духовенства и приходских общин и о том, как они относились к спорящим между собой епископам, к различным течениям патриаршей Церкви и обновленчества. Смысл того потрясающего факта, что именно народ сумел сохранить истинное Православие, отвергнуть фальшь обновленческого раскола и «выдержать» натиск государственных попыток уничтожить Церковь, остается задачей для будущих историков.

Мы не ставим автору в упрек его интерес к епископату. Будучи православным историком, он понимает, что без епископата не может быть ни православия, ни церкви, и справедливо считает, что история епископата должна послужить основой русской церковной историографии нового периода. Но история русского епископата 20-х и 30-х годов предполагает центральность вопросов канонического порядка: епископат сохраняет преемственность церковной жизни и церковного учения; он призван соблюдать единство Церкви; он ответствен за Церковь в целом, за ее структуру, за миссию, за жизнь каждой церковной общины. Советская власть стремилась упразднить все эти структуры и шла на временный компромисс с Церковью только в ту меру, в какую Церковь продолжала пользоваться народной поддержкой. Но одновременно власти пытались использовать иерархическое устройство православной церкви, чтобы контроли-

ровать ее «сверху» (т. е. как раз через епископат), разделить ее (пользуясь каноническими и личными разногласиями между епископами) и, наконец, вызвать ее внутреннее разложение.

Основным вопросом для руководителей Церкви был следующий: пытаться ли или не пытаться сохранить централизованную структуру Церкви во главе с патриаршим управлением (хотя после смерти патриарха Тихона в 1925 г. власти не допускали избрания нового патриарха)? Согласиться на упразднение патриаршего «центра» означало передачу монополии «легализованной» церковности обновленческому «Синоду» (признанному восточными патриархами!!!), который постепенно получил бы пользование всеми открытыми церквами. Но сохранение патриаршего управления предполагало государственный контроль. Странная альтернатива стояла перед совестью местоблюстителя Сергия, избравшего (после долгих колебаний) путь сотрудничества с властями ради сохранения преемственности «законного» православия.

Лев Регельсон считает этот выбор местоблюстителя неправильным. По его мнению, в кредит местоблюстителя нельзя даже поставить восстановление церковной жизни Сталиным во время Второй мировой войны: Сталин разрешил избрание патриарха и открытие церквей не потому, что Сергиевский синод был готовым (и послушным) органом этого восстановления, а потому, что этого требовал народ и мировое общественное мнение. Если бы в 1943 г. патриаршего управления не существовало, Сталин вызвал бы из подполья разрозненные группы духовенства и верующих и всё равно восстановил бы патриаршее управление, которое было бы внутренне свободнее и нравственно чище, чем «Сергиевское».

2. В основу своих канонических и исторических оценок автор полагает указ патриарха Тихона, изданный 7/20 ноября 1920 г., т. е. еще во время Гражданской войны. Указ допускал возможность временно независимого существования епархий (или групп епархий) в случае разобщения с патриаршим центром или в случае прекращения деятельности высшего церковного управления. В этом указе автор видит возврат к древнецерковному строю, где действительно не было понятия подчинения епископов и их епархий какой бы то ни было «высшей власти». Собор 1917–1918 гг., восстановив порядок избрания архиереев епархиями, отчасти восстановил и этот древний строй, в котором автор справедливо видит основу православного понимания Церкви, как оно выражалось в доконстантиновскую эпоху, когда Церковь не имела связи с государством. Постепенное историческое образование «митрополий», «архиепископий» и «патриархий» (в IV–V веках) не имело целью изменить первоначальную структуру Церкви, как единство веры между местными общинами, возглавляемыми своими епископами, а просто выражало необходимость организованного единства в новых исторических условиях. «Подчинение» местных епископов митрополитам и патриархам не было самоцелью, а только средством, обусловленным «соборностью», т. е. подчинением самого митрополита или патриарха соборному суду епископов и всей Церкви.

Указ патриарха Тихона 1920 г. допускал возможность ликвидации патриаршего управления и указывал на то, как Церковь должна была, в этом случае, вернуться к тем условиям, которые существовали в эпоху гонений первых веков христианства.

По мнению Регельсона – и это является лейтмотивом его исследования, – ошибка митрополита Сергия, возглавившего патриаршее управление после ссылки местоблюстителя Петра Крутицкого (декабрь 1925 г.), заключалась именно в том, что он не последовал Указу 1920 г., а всю свою энергию и ум направил к тому, чтобы сохранить «центр», которому бы епископы «подчинялись». Ошибочность его пути заключалась в том (по мнению автора), что в советских условиях сохранение «центра» было возможно только путем «согласования» его деятельности с властями, т. е. путем фактического допущения контроля властей над деятельностью «центра».

Мы вернемся ниже к этому основному тезису Регельсона, но уже сейчас необходимо отметить, что сам автор признает не только психологическую неподготовленность русского

епископата к принципу «независимого существования епархий», но и то, что сам патриарх Тихон в своем указе допускал эту независимость только «впредь до организации высшей церковной власти», сохраняя за последней право утверждения или неутверждения постановлений, принятых в условиях временной «независимости» епархий. Следовательно, усилия митрополита Сергия сохранить «центр» соответствовали внутренним стремлениям русской иерархии и самого патриарха. Но вопрос, конечно, должен оставаться открытым в отношении того, правильны ли были эти усилия по существу и по методу, которого придерживался митрополит Сергий.

Книга Регельсона содержит много исторических сведений о сделанных несколькими русскими иерархами попытках установить фактические временные «автокефалии» в соответствии с Указом 1920 г. Наиболее значительными среди них были митрополит Ярославский Агафангел и митрополит Казанский Кирилл. Можно напомнить о том, что Северо-Американская епархия в 1924 г. провозгласила себя «временно самоуправляющейся» на том же основании Указа 1920 г. Во всяком случае, в 20-х и 30-х годах возникло несколько «автокефалий». Некоторые из них находились в несколько двусмысленных отношениях с установленным в 1922 г. обновленческим «высшим церковным управлением»: так, управляющий Петроградской епархией епископ Ямбургский Алексей (Симанский) – будущий патриарх – вместе с другим Петроградским викарием, епископом Петергофским Николаем (Ярушевичем), тоже учредили «автокефалию» в 1922 г., о которой в свое время подробно писал А. Левитин в своей истории обновленчества. 9 июня 1922 г. епископ Алексей снял запрещение с Введенского и хвалился, что его управление епархией получило «согласие» обновленческого ВЦУ. Лев Регельсон не вполне прав, обвиняя епископов Алексея и Николая в прямом принятии обновленчества. Епископ Алексей ограничился – и то очень кратковременно – полупризнанием обновленческого управления, но уже через две недели (24 июня 1922 г.) отказался от прямого сотрудничества с ВЦУ и за это был сослан. Сведения и документы об этих событиях опубликованы архиепископом Сергием (Лариным) в «Вестнике русского западноевропейского экзархата» (1964. № 45–48). Это издание осталось автору неизвестным.

Совсем по-другому обстоит случай митрополита Сергия (Страгородского). Открытое признание обновленчества этим выдающимся богословом и иерархом сыграло роковую роль в трагические месяцы 1922 г. Правда, его торжественное покаяние в 1923 г. перед патриархом Тихоном тоже не лишено огромной духовной значимости.

3. Личность митрополита Сергия и его деятельность стоит в центре всех церковных событий 20-х и 30-х годов. Решительное неприятие и критика этой деятельности является главным тезисом книги Регельсона. По мнению автора, власть «заместителя местоблюстителя», а затем просто – «местоблюстителя» митрополита Сергия была, с одной стороны, лишена бесспорной канонической законности, а с другой стороны, предполагала морально недопустимый сервилизм по отношению к властям.

Такая оценка деятельности митрополита Сергия, в основном, совпадает с позицией тех церковных деятелей, которые, хотя и находились в оппозиции «местоблюстителю» в 30-х годах, признали законным избрание патриарха Алексия Собором 1945 г. и вступили с ним в общение. Наиболее авторитетным и выдающимся иерархом в этой группе был епископ Афанасий (Сахаров), о его исповеднической жизни много говорится в книге.

Вопрос о законности или незаконности возглавления Русской церкви митрополитом Сергием связан, во-первых, с самой системой назначения местоблюстителей еще при жизни правящего первосвященника, введенной патриархом Тихоном по поручению собора 1917–1918 гг. Система эта не имеет прецедентов в истории Церкви и прямо противоречит канонам, запрещающим епископам (и тем более патриархам) назначать себе преемников: епископ – всегда избранник Божий, через Церковь, и не может назначаться единолично. В оправдание действия патриарха можно только сказать, что условия, в которых находилась Русская церковь, были

вполне беспрецедентны, и, как правильно указывает Регельсон, патриарх действовал в силу соборного поручения, а не по личному произволу. Правда, «местоблюстители», указанные в его завещании в 1925 г., были, вероятно, уже не те, которых он назначил на закрытом заседании собора в 1918 г. Из трех патриарших избранников 1925 г. – митрополитов Кирилла Казанского, Агафангела Ярославского и Петра Крутицкого – только последний находился на свободе. Его «местоблюстительство» стало единственным общепризнанным – в России и за рубежом – символом единства Церкви после смерти патриарха Тихона.

Еще более спорными являются дальнейшие назначения «заместителей». Митрополит Петр назначал «заместителей» два раза: еще находясь у власти, он назначил митрополита Сергия (Страгородского), Михаила (Ермакова) и Иосифа (Петровых), а после ареста – заместительскую «коллегию» во главе с архиепископом Григорием (Яцковским). Митрополит Иосиф (будущий глава иосифлян), вступив в управление Церковью после ареста митрополита Сергия в 1926 г., назначил до десяти возможных заместителей... Заявление – почти тотчас взятое обратно – митрополита Агафангела в 1926 г. о восприятии им полномочий, полученных им от самого патриарха Тихона, еще больше усложнило вопрос о возглавлении Церкви. При этом не подлежит сомнению – как неоднократно признает Регельсон, – что хаос в «заместительстве» сознательно поддерживался властями, которые науськивали и обновленцев, и «григориан», и самого митрополита Агафангела на заявление «прав» на местоблюстительство.

Итак, если «права» митрополита Сергия были несомненно спорными, то еще более спорными были притязания всех его конкурентов. Концепция Регельсона, о которой мы уже упоминали выше и согласно которой наилучшим выходом для церковного руководства была бы децентрализация, в согласии с Указом 1920 г., нам кажется также не вполне убедительной. Во всяком случае, как признает сам автор, русский епископат был к ней психологически не подготовлен: ему была слишком привычна централизованная рутина синодального управления, а избрание патриарха в 1918 г. было воспринято как обретение харизматического вождя Церкви, без которого церковная жизнь казалась невозможной. Сам Регельсон подчеркивает важность «первосвятительской харизмы» для церковного сознания верующих. Наконец, наличие обновленческого синода и григорианского «Временного высшего церковного совета» требовало и от канонического православия создания временного центра, хотя бы для представительства и свидетельства о неканоничности раскольниковых «центров». Нам также кажется очевидным, что из всех наличных русских иерархов этих лет митрополит Сергей оказался наиболее способным разобраться в трагической сложности положения.

Митрополиты Петр, Агафангел, Иосиф, а также и другие возможные «местоблюстители», не показывали ни последовательности, ни состоятельности в своих действиях и назначениях. Принципиальное согласие митрополита Сергия в 1926 г. признать свободу зарубежных епархий определять свой путь вне зависимости от Москвы и особенно его неудавшаяся попытка, тоже в 1926 г., (о которой Регельсон сообщает много нового и за которую сам митрополит Сергей попал под арест) избрать митрополита Кирилла патриархом путем тайного, письменного голосования епископата, вне ведома властей, показывают, что, перед тем как «пойти на компромисс», он активно, и даже весьма ловко, пытался найти наиболее выгодный для Церкви выход.

«Ловкость» митрополита Сергия вновь проявилась в 1941 г., когда его экзарх в Прибалтике, митрополит Сергей «младший» (Воскресенский), остался в оккупированных областях и возглавил возрождение Церкви под немцами. Митрополит Сергей (Воскресенский) был убит гестапо (или советскими партизанами?) в 1944 г., когда он уже готовил «возврат» к советским условиям. Трудно представить, чтобы это делалось без ведома Сергия «старшего». Деятельность Сергия «младшего», почти неизвестная Регельсону, и опубликованные за границей его свидетельства об условиях работы Московского синода в 30-х годах, в котором митрополит

Сергий (Воскресенский) активно участвовал, также очень важны для окончательной исторической оценки роли местоблюстителя в жизни Русской церкви.

Конечно, за «легализацию» Сергиевского синода в 1927 г. пришлось заплатить дорогой ценой, и, в первую очередь, заявлениями о том, что в СССР нет и не было гонений на Церковь. Эта по существу бессмысленная и никого не убеждающая ложь, а также прямая зависимость «легализованного» церковного управления от государственных «уполномоченных», и вызвала оппозицию так называемых «непоминающих», среди которых оказались и некоторые видные иерархи Тихоновского времени.

Но и тут беспристрастный историк должен признать, что и самого патриарха Тихона обвиняли в излишней уступчивости и что ядро будущей антисергиевской оппозиции уже находилось в оппозиции и самому патриарху Тихону («Даниловская группа»). Во всяком случае, сам патриарх считал возможным сделать в 1923 г. заявление о том, что «ни в каком преследовании какой бы то ни было религии советскую власть обвинить нельзя». Митрополит Сергий мог сослаться на этот прецедент.

Как бы ни относиться к примирительной и «лояльной» политике патриарха в последние два года его святительства, имя святейшего Тихона уже воспринято и Церковью, и народным сознанием как имя великого исповедника веры. У заместителя и затем патриарха Сергия такого авторитета не было, и оппозиция против него стала более открытой. Во всяком случае, критика его деятельности в книге Льва Регельсона, несомненно, заслуживает гораздо большего внимания, чем всё то, что о нем писалось и говорилось за рубежом. Но нам кажется, что и Регельсон еще не сказал о нем последнее слово.

Одна сторона деятельности заместителя подвергается особо острому и справедливому осуждению в настоящей книге: это та легкость, с которой Сергиевский Синод применял канонические санкции и запрещения против инакомыслящих, как внутри России, так и за границей. Возможно, что митрополит Сергий пытался этими санкциями, наложенными на тех, кто оспаривал его власть, упрочить свое собственное, далеко не бесспорное, положение, показать *urbī et orbī*, что именно он возглавляет единственно истинную Церковь. Но результат, без суда и расследования наложенных запрещений, был один: углубление разделений и ответные заявления некоторых крайних оппозиционеров о «безблагодатности» Сергиевской церкви. Правда, не митрополит Сергий начал политику поспешных запрещений – ее начали обновленцы, «лишив сана» самого патриарха Тихона, и продолжали «григориане». Восприняв эту практику раскольников, митрополит Сергий возобновил худшие – и отнюдь не «тихоновские» – черты старого бюрократического централизма.

Совершенно справедливо Регельсон характеризует этот аспект политики митрополита Сергия как «хулу на благодать» и приравнивает его спор с митрополитом Агафангелом к конфликту между Карловацким синодом и митрополитом Евлогием. И тут и там, по мнению автора, иерарх, имеющий бесспорные полномочия от патриарха Тихона, защищал свою ответственность за Церковь от притязаний самозванной и произвольно подобранной группы епископов. По нашему мнению, между этими двумя случаями параллель действительно существует, но существуют и различия: митрополит Сергий был правящим митрополитом Нижегородским и общепризнанным местоблюстителем, он возглавлял синод канонических епископов. Карловацкий же синод, состоявший из епископов, покинувших свои епархии, действовавших на территории другой поместной (Сербской) Церкви, и формально лишенный всякой канонической действительности прямым Указом патриарха в 1922 г., совершал большую «хулу на благодать», чем митрополит Сергий, «запрещая» митрополитов Евлогия Западноевропейского и Платона Североамериканского, законно назначенных патриархом Тихоном. В чисто каноническом отношении «карловчане» все же в большей мере «самозванцы», чем местоблюститель Сергий, и им одним, действующим вполне свободно, вне досягаемости советской власти, принадлежит печальная монополия заграничных анафем и запрещений. От анафем митропо-

литы Евлогий и Платон, так же как митрополиты Агафангел и Кирилл, о которых подробно пишет Регельсон, всячески воздерживались и, даже пренебрегая, ради любви и мира, каноническими принципами, неоднократно вступали с карловчанами во временно-практические братские договоры, при сохранении принципа своей самостоятельности.

Лев Регельсон, ссылаясь на весьма одностороннюю книгу митрополита Сергея «Правда о религии в России», указывает на будто бы состоявшееся в 1935 г. «объединение феофиловцев (Североамериканская церковь) с карловчанами». В действительности имело место только принятие «временного положения», при котором Американская церковь сохраняла свою полную независимость. Также неправильно сообщение о подписании митрополитом Евлогием «лояльности» в 1927 г. В действительности, ради сохранения канонического общения с Русской церковью, митрополит Евлогий дал заверение только о своей «аполитичности». Повторные требования о «лояльности» привели к его разрыву с митрополитом Сергием в 1931 г.

На протяжении всего своего труда автор не скрывает своей симпатии к анти-сергиевской оппозиции 20-х и 30-х годов и к остаткам «непоминающих», существующим еще в 60-е годы. Позиция последних хорошо и пространно выражена в анонимном письме, написанном в 1962 г. и приводимом в книге полностью. Из него следует, что движение «непоминающих» в настоящее время существует только в «кельях» и что у всего многомиллионного верующего народа в России нет возможности ходить в иные церкви, кроме патриарших. И «непоминающий» автор письма нисколько не осуждает тех, которые так поступают.

Вообще, подлинная церковность книги Регельсона выражается в том, что она вся покоится на вере в единство Церкви и единство Христовой благодати: спор между митрополитом Сергием и «оппозицией» есть спор внутри Церкви. Можно – и должно – ставить под сомнение правильность поведения некоторых иерархов Церкви, но другой Церкви, кроме той, которую они возглавляют, всё же нет. Точно так же, как церковное сознание не может не рассматривать некоторые действия патриарха Никона и тем более придворных иерархов эпохи Петра I как ошибочные и даже богохульные, но таинства и преемственность Церкви не были ущемлены их грехом!

Основная сила книги Регельсона в ее справедливом протесте против сведения всей церковности и каноничности к понятию «подчинения». Всему народу Божию, а тем более епископам, принадлежит и право, и обязанность «рассуждения» и «различения духов». Без возможности судить о смысле и справедливости «указов высшей власти» не существует православной соборности. Но также справедливо пишет автор, что «оставление за собой права суждения о действиях церковной власти не должно означать разрыва канонического и молитвенного общения с ней». Именно на этом основании он принимает как правильную позицию тех «непоминающих», которые признали Московскую патриархию, восстановленную на соборе 1945 г., несмотря на вопиющие канонические несовершенства восстановленной церковной структуры.

В этой вере в Церковь есть главная сила книги, которая может быть и не удовлетворит ни ригористов «каноничности» Московской патриархии, ни новых донатистов, мечтающих о Церкви «чистых» и исключаящих историческую действительность и ответственность за души «малых сих». – Эта сила в словах Спасителя: «На сем камне созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф., XVI: 18).

*Протоиерей Иоанн Мейендорф, Нью-Йорк
Св. Владимирская духовная академия 1977 г.*

Послесловие автора ко второму изданию⁴

Два десятилетия, прошедшие со времени первого издания этой книги, были насыщены поистине эпохальными событиями. Россия сдвинулась с вековых устоев и встала на новый путь, суть которого может быть выражена понятием «свобода». Это значит, что отныне главной движущей силой общества и государства становится человеческая личность. Требование быть личностью, ответственной за свои взгляды и поступки, предъявляется теперь ко всем без изъятия. Эта идея, казалось бы, самоочевидная для христианского сознания, впервые в русской истории принята как государственный принцип. И пришла эта идея не из Церкви, хотя сам факт существования альтернативной идеологии в тоталитарном государстве производил огромное раскрепощающее действие. Поневоле Церковь выполняла роль прибежища для тех, кто хотел сохранить живую душу и отказывался думать как все. Теперь положение Церкви внезапно и резко изменилось. Сможет ли она выполнить свое служение миру в новых условиях, или, подобно западным традиционным конфессиям, станет маргинальной структурой в индифферентном к религиозным вопросам обществе? Вопрос не в том, потерпит ли христианство в целом историческое поражение, а в том, сможет ли оно начать новое наступление и снова завоевать мир, т. е. живые человеческие души? Ясно, что это невозможно до тех пор, пока причины совершившегося уже поражения не осознаны и не устранены. Трагедия Русской церкви – это история крушения христианства в России. Сейчас, как будто, происходит его видимое возрождение. Но, восстанавливая церковность в том состоянии, в каком она была до революции, мы восстанавливаем и сохраняем те причины, которые в свое время вызвали духовное крушение России. Какую же новую революцию вызовет новое поражение христианства? Тот, кто не боится жить внутри истории, кто осознает свою личную ответственность перед ней, тот не может не чувствовать небывалого и все возрастающего напряжения исторических сил. Если апокалиптическая истерия приводит к пассивности и к бегству от жизни, то зрячая апокалиптическая тревога побуждает к пониманию и действию.

Сейчас значительная часть Русской церкви сидит за приходской партией. И это обнадеживает. Искренность и ответственность в сочетании с глубокими и всесторонними знаниями – это знаки взросления. Цель истории – возвращение самостоятельной и зрелой личности, и решающая задача христианства сегодня – найти путь возрастания человека, не уведящий в сторону от Творца. Речь идет не только о возрастании святости, но и о росте интеллекта, независимости, социальной и творческой активности. Пока эта задача не решена, историческая судьба христианства стоит перед лицом смертельной угрозы. Русская религиозная мысль перед революцией поставила самые глубокие и жизненно актуальные вопросы. Но лишь поставила: ни один из этих вопросов подлинного решения пока не получил. Одни готовы удовлетвориться решениями иллюзорными и формальными, другие призывают отказаться от всяких вопросов и терпеливо ждать, пока Всевышний уничтожит этот ненавистный мир и перделает все заново. Но и те и другие забывают о том, что Его главная цель – сотворить самих как своих соратников, собеседников, соучастников в деле созидания мира. Задача нашего врага – помешать этому, оставить нас в инфантильном, недоразвитом состоянии или увести на путь ложного возрастания, движения в пустоту. Есть и самоубийственные решения фашистского типа – яростный протест против тех труднейших требований, которые Творец предъявляет к личному росту каждого из нас.

В середине 1970-х гг., когда писалась эта книга, она адресовалась прежде всего православно-эмигрантской, а затем – сравнительно небольшому числу церковных людей в России, имевших доступ к нелегальной литературе. Действительный круг читателей оказался значи-

---

⁴ Москва. Крутицкое подворье, 1996.

тельно более широким, выйдя далеко за пределы собственно церковной среды. При этом внимание привлекали не только вопросы отношений Церкви и государства или нравственная оценка революции, но также сугубо внутрицерковные проблемы, подробно обсуждаемые в книге.

Этот факт можно считать свидетельством острого общественного интереса к самой Церкви, к ее структуре, самосознанию и способу решения внутренних конфликтов. Еще раз подтвердилось, что иллюзия идеологической и дисциплинарной монолитности вызывает не симпатию, но скорее отталкивание у современника, который за всякой монолитностью привык видеть принуждение и неискренность. Напротив, одновременно существование разнообразных, порой остроконфликтных позиций и взглядов в пределах одной Церкви воспринимается как признак ее внутреннего богатства и духовной силы.

Автор хотел бы надеяться, что эта книга, с большим запозданием став доступной современному читателю, хотя бы в малой степени донесет до него свидетельство веры, которое явила Русская церковь в трагическую послереволюционную эпоху. И сияние подлинности этой веры становится особенно ярким и убедительным на фоне решений и поступков членов той же Церкви, в которых эта вера себя никак не проявила. Живущим на земле не позволено – даже в глубине сердца – выносить осуждающий приговор какой-либо человеческой душе. Но вглядываясь и вдумываясь в слова, поступки и решения наших отцов мы обязаны: иначе мы не научимся ничему и никогда. Их страдания и жертвы, их ошибки и обретения, их падения и подвиги окажутся напрасными и бесплодными. Да не будет этого!

В связи с новым изданием скажем несколько слов о церковных проблемах 1920-х гг., которым в книг уделено так много места и внимания. Негативная авторская оценка позиции и церковной практики митрополита Сергия связана с принципиальной убежденностью этого деятеля в правомерности административного насилия как основы церковного единства. Это выразилось прежде всего в беспощадных запрещениях и отлучениях от Церкви всего лишь за отрицание его политической платформы или несогласие с его спорными правами на роль первоиерарха.

Церковно-административное насилие удешевлялось в своих разрушительных последствиях, когда связывалось с насилием государственным, в те времена обычно пахнувшим кровью. В этом главном аспекте своей внутрицерковной политики митрополит Сергей ничем не отличается от обновленцев.

Патриарх Тихон, запрещая обновленцев, применил свое властное право именно для той цели, для которой он был этим правом наделен – как средство защиты Церкви от насилия со стороны части духовенства, пытавшейся дисциплинарными методами незаконно подчинить себе всю церковную организацию. Ничего подобного «правые» критики митрополита Сергия не делали, за исключением части Русской церкви за рубежом, объединившейся вокруг Карловацкого синода и заявившей свои административные права на всю зарубежную Церковь. Церковную же традицию патриарха Тихона в наибольшей степени продолжили такие иерархи, как митрополиты Агафангел, Иосиф, Кирилл и за рубежом – митрополит Евлогий и митрополит Платон.

Многолетнее обсуждение книги показало, что автору, к сожалению, так и не удалось довести до сознания читателей основную мысль – приоритет церковного начала над политическим. Обсуждение упорно сводится к вопросу: прав ли был митрополит Сергей в своей Декларации 1927 г. и была ли в то время возможна другая политическая позиция церковной власти? Между тем, для будущих судеб Православной церкви в России другой вопрос: имел ли право митрополит Сергей навязывать свою декларацию всей Церкви как общеобязательную, имел ли он право отстранять от служения тех иерархов, которые с его позицией не были согласны? За ответом на первый вопрос стоит всего лишь то или иное понимание политической ситуации того времени; за ответом на второй – то или иное понимание природы самой Церкви.

В 1988–1989 гг. автор вернулся к работе над книгой и полностью подготовил к изданию расширенную почти в полтора раза версию книги. Но это издание так и не вышло в свет по ряду причин, главной из которой было опасение автора оказать невольную помощь различным силам, начавшим в то время яростную атаку против Московской патриархии. Наряду с некоторыми полусектантскими движениями, во главе этой атаки встала Зарубежная синодальная церковь. Надо сказать, что использование бывшими «карловчанами» жупела «сергианства» носит чисто политический и конъюнктурный характер. Будучи сами откровенными узурпаторами церковной власти за рубежом, они не имеют никакого морального права обвинять в узурпации митрополита Сергия.

Зарубежные «синодалы» превзошли самого митрополита Сергия в развитии худших традиций эпохи Победоносцева. Суть этой новоявленной «традиции» – глубокое презрение к человеческой личности и связанной с ней соборности, пугливая подозрительность ко всем проявлениям творческого духа, несокрушимая вера в административное принуждение как высший аргумент в любом церковном споре. К несчастью, достаточно широкая поддержка в определенных кругах верующих им обеспечена. Спекулируя на неизбежных муках запоздалого роста, которые обрушились сейчас на Россию, эти лжефундаменталисты (ибо фундамент подлинной традиции они как раз и разрушают) пытаются законсервировать в душах отдельных верующих состояние личной и национальной инфантильности, причем злобной и агрессивной.

Но есть и другая опасность – отрыв от корней во имя мнимого творчества, отказ от традиции во имя ложно понятой свободы, стремление к поверхностному, иллюзорному межконфессиональному сближению, готовность к безответственным реформам, ведущим не к харизматическому возрождению, но к эмоциональному разгорячению при «теплохладности» духа. Тот духовный вакуум, который образовался за десятилетия господства примитивной и принудительной государственной идеологии, легко заполняется внешне привлекательными суррогатами духовности.

Наша надежда на преодоление этих болезней – в творческом, молитвенно сосредоточенном усвоении подлинной, глубинной традиции, в ее живом и плодотворном развитии в соответствии с новыми реалиями, перед которыми Господь поставил Свою Церковь.

Глубоко символичным и не случайным является тот факт, что обе враждующие друг с другом ложные тенденции церковной жизни возглавляются иерархами, для которых митрополит Сергий служит кумиром и образцом. Поэтому фигура этого церковного деятеля, споры вокруг оценки его деятельности становятся особенно актуальными.

За годы, прошедшие со времени выхода в свет парижского издания «Трагедии Русской церкви», было опубликовано множество материалов и документов, и поток публикаций продолжается. Многие пробелы в нашей работе можно было бы восполнить, но, насколько мы можем судить, каких-либо серьезных ошибок в нашем издании не обнаружено. Когда в мае 1990 г. «Известия КПСС» вынуждены были опубликовать подлинник печально знаменитого письма В.И. Ленина по делу о церковных ценностях, мы обнаружили большое число мелких разночтений с нашей версией, не меняющих самого смысла текста. Это обусловлено тем, что письмо было заучено наизусть одним из сотрудников секретного ленинского архива, и разночтения обусловлены характерными при устном запоминании ошибками памяти.

Автор пользуется случаем отвести от себя незаслуженную похвалу ныне покойного протопресвитера Иоанна Мейендорфа за «героический», как он выразился, труд по собиранию уникальных церковных документов. Как было подробно объяснено в предисловии автора к первому изданию, этот действительно героический труд совершили другие. Задача же автора состояла в отборе, осмыслении и удобной для читателя подаче этого обширного материала.

Для православных читателей будет важно узнать, что первое издание этой книги было одобрено в рукописи такими авторитетными деятелями Русской церкви, как архиепископ Леонид (Поляков), архиепископ Ермоген (Голубев) (ему привез в Жировицы и вслух прочитал

книгу в рукописи отец Павел Адельгейм), а также иеромонах Таврион (Батозский). Назвать их имена в предисловии к изданию 1997 г. было невозможно ввиду обстоятельств того времени.
Москва, 1996 г.

Послесловие автора к третьему изданию⁵

В те времена, когда готовилось первое издание этой книги, в сердцах многих ревнителей веры жила глубокая надежда, что сразу после ожидаемого крушения атеистической идеологии в России начнется стремительное возрождение православной духовности. Эту надежду подкрепляли пророчества русских святых. Так, преподобный Серафим Вырицкий в конце 1940-х гг. предсказывал: «Спасение миру – от России. Наступит такое время, когда будет в России духовный расцвет. Откроются храмы и монастыри, даже иноверцы будут к нам приезжать креститься... Весь мир небесный молится о просвещении Востока. Восток будет креститься в России».

Это ли мы видим сейчас?

Храмы и монастыри открываются, но все остальное...

Сейчас вспоминаются скорее другие слова того же святого:

«С одной стороны, будут возводить церкви и золотить купола, а с другой – настанет царство лжи и зла».

Что же преграждает путь тому «духовному расцвету», для которого, казалось бы, сложились все необходимые предпосылки?

Подвиг российских новомучеников привел к небывалому возрастанию духовной мощи Церкви Небесной, а их канонизация открыла тот молитвенный канал, через который эта новая духовная сила может реализоваться в жизни Церкви Земной. Однако этого пока не происходит. Почему?

Видимо, само по себе прославление исповедников и мучеников еще не достаточно – необходимо понять и принять глубинный смысл их подвига. Во имя чего они принесли себя в жертву, исповедниками какой истины они были? Ведь речь шла не просто об исповедании христианской веры, как было во времена римских гонений. Во всяком случае, до середины 1930-х гг. преследовали не за веру как таковую, а за что-то другое. В глазах гонителей это было преследование за враждебность к советской власти, а, по существу, за неприятие новой, коммунистической идеологии. С церковных позиций эта идеология может рассматриваться как своего рода ересь на христианскую тему Царства Божия на земле. Ведь объявленной целью коммунизма было построение всемирного царства справедливости, но без участия Божественной благодати.

Однако христианство в целом, а православие в особенности, своей высшей целью ставит именно осуществление воли Божией, постепенное созидание своего рода «островков» Царства Божия на земле. «Да святится Имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя на земле, как и на небе», – ежедневно молится каждый христианин. Согласно святоотеческому пониманию, Царство Божие утвердилось там, где устойчиво действует божественная благодать, свободно принятая человеческой волей. В православной России главными такими «островками» Царства Божия на земле были: царский престол, молитвенное сердце подвижника и православный храм. Влияние этих «островков», обуреваемых вихрями человеческих страстей и вторжениями «духов злобы поднебесных», то распространялось на весь народ, то сокращалось почти до полного исчезновения.

Особенно яростным нападениям подвергался царский престол – в силу огромных возможностей благодатного воздействия через него на все сферы народной жизни. Однако, в силу предельного могущества человеческой воли, которым был наделен самодержавный монарх, он имел возможность осуществить на деле те греховные и преступные побуждения, которые для обычного человека остаются бессильными мечтами. Страстные помыслы, даже не осу-

---

⁵ Москва. Крутицкое подворье, 2007.

щественные, изгоняют из сердца христианина благодать, которая даруется ему в таинствах и молитвах. Преступления и злодеяния царей имеют неизмеримо более тяжкие последствия, поскольку они не только губят его собственную душу, но и ставят преграду для благодатного воздействия могущественной харизмы царского престола на жизнь целого народа.

Начало XX века в России ознаменовано рядом великих отречений церкви и народа от православной традиции.

Официальные акты церковной власти, предшествовавшие революции, были связаны с вероучительным отрицанием молитвенного имяславческого движения, которое стало набирать силу среди русского монашества на Афоне. Пассивно принятое церковным большинством, при неуверенном сопротивлении государя, это «имяборчество» было свидетельством глубинного кризиса веры, опустошительных потерь в недрах церковного духа. Знаменателен и тот факт, что главными инициаторами осуждения и разгрома имяславия оказались будущие церковные лидеры: Антоний Храповицкий и Сергей Страгородский. Не понимая благодатной сущности этого движения, они все внимание сосредоточили на отдельных неточных выражениях имяславцев, вместо того чтобы своей иерархической властью поддержать их, помогая избежать мистического прельщения и фанатических крайностей. Собором 1917–1918 гг. была создана специальная комиссия по имяславчеству, которая успела собраться только три раза. Попытка уточнить и развить богословскую позицию имяславия была предпринята членами этой комиссии Флоренским и Булгаковым, а позднее – Лосевым.

Вскоре после разгрома имяславия синодальной церковной властью русский народ в принципе отверг идею божественной власти, осуществлявшуюся через царя – помазанника. Отречение от монархии совершила не династия, но именно народ. Действия последних представителей династии Романовых нельзя рассматривать как отказ от выполнения своего монархического долга; напротив, это были исповеднические акты, свидетельствующие о божественном характере монархической власти. Согласно православному пониманию, «благодать не насилует» – Бог, в отличие от земных тиранов, не навязывает Свою власть принудительно. В марте 1917 г., впервые после Земского собора 1612 г., торжественным актом великого князя Михаила русскому народу было предложено, через своих представителей в Учредительном собрании, заново подтвердить свое глубинное, принципиальное согласие на монархию. При этом не исключалось ни избрание новой династии, ни установление новых форм отношений между монархом и органами народного представительства. Однако подобного народного согласия так и не было выражено, а без этого никакая монархия дарована быть не может.

После того как церковь отрелась от прославления Имени Божия, а народ отказался от богоустановленной монархии, последним «островком благодати» в России остался только Храм и совершаемые в нем тайнодействия, но и он оказался под угрозой исчезновения.

Декрет об отделении церкви от государства (отнятие у церковного народа права собственности на молитвенные здания) означал в глазах верующих отмену статуса Храма как Божьего достояния. Следующим этапом наступления на Церковь было принудительное изъятие церковных ценностей. Верующие не могли воспринять это иначе как святотатство, т. е. хищение и осквернение священных предметов православного культа. Сопротивление верующих этому святотатству послужило главным предлогом для обновленческого раскола, поощряемого властью. Отвержение этого раскола большинством православного народа было связано с его убеждением, что обновленческое духовенство потеряло тайносовершительную благодать. И, наконец, сергианский идейный компромисс с безблагодатным царством коммунизма был воспринят народом как отказ от самого стремления к утверждению на земле Царства Божия. Этот компромисс к тому же оказался неразрывно связан с разрушением канонических основ церковной жизни, только что восстановленных собором 1917–1918 гг.

После того как были отняты храмы, остался последний «островок», последний рубеж церковности – внехрамовая, «катакомбная» евхаристия. Для ее совершения были необхо-

димы только антиминс и сохранившее апостольскую преемственность духовенство, готовое отдать жизнь за возможность причастия верующего народа к Телу и Крови Спасителя. На этом последнем рубеже богоборческая атака истощила свои силы и захлебнулась. Попытка стереть с русской земли всякий след божественной благодати так и не удалась. После этого возобновилось – и поныне продолжается – медленное, трудное, с перерывами и отступлениями, но неуклонное расширение Царствия Божия на земле.

Первые шаги к преодолению глубинного кризиса православия предпринял Великий собор 1917–1918 гг., которым были утверждены два фундаментальных принципа церковной жизни: патриаршество и соборность. Вся последующая эпоха, вплоть до сегодняшнего дня, наполнена борьбой за усвоение и правильное понимание этих принципов. Лучшие люди Церкви все это время свидетельствовали о том, что Боговластие неразрывно связано с практикой соборности и абсолютно несовместимо с бюрократическим клерикализмом. Подлинная теократическая, божественная по своему источнику власть всегда обращена к свободной, соборной человеческой воле. Реализованная сначала в Церкви, соборно-теократическая идея могла бы в дальнейшем стать и принципом устройства всей народной жизни.

Необходимо признать, что хотя с принятием сергианства эта идея потерпела видимое поражение, но внутренне, духовно она победила. Мощное и убедительное свидетельство ее истинности было явлено в слове, силе духа и жертвенном подвиге исповедников. Именно этой идее принадлежит будущее, тогда как «административный» принцип организации церковной жизни есть простой слепок с военно-бюрократической, имперской системы власти и вместе с этой системой обречен на историческое небытие.

Два крупнейших имени в послереволюционной церковной истории символизируют драматическое противостояние харизматического и бюрократического принципов организации церковной жизни: речь идет о патриархе Тихоне и митрополите Сергии.

Короткая, но богатая событиями история патриаршего служения святителя Тихона дает убедительное доказательство того, что принцип синергизма, сочетания божественной и человеческой воли в церковной власти – это не абстрактная догматическая формула, но реальная, практически осуществимая жизненная возможность. Патриарх Тихон не был непогрешимым оракулом в церковных делах: его свободная человеческая воля оставалась несовершенной и подверженной колебаниям. Наряду с пророческой мудростью и несокрушимой исповеднической твердостью он иногда проявлял слабость, неуверенность и подверженность противоречивым внешним влияниям. Но удивительным образом даже его ошибки, будучи им же исправленными, оказывались в конечном счете поучительными и благотворными для Церкви. По существу, вся его деятельность была своего рода чудом, постоянно возобновляемым чудом действия харизмы первосвятительской власти. И это действие было тем более явным и полным, что ее законный, соборно избранный носитель обладал еще и личной святостью: постоянным предстоянием перед Богом и предельной искренностью в поисках правильных решений. Соборность для него не была формальным принципом: он был чуток ко всем, даже слабым, но искренним голосам, доносившимся от церковного народа. Патриарх Тихон отличался исключительной терпимостью к творческим поискам и реформаторским стремлениям российского духовенства и мирян, пусть не всегда безупречным с точки зрения строгой церковности. Очевидцы свидетельствуют о позиции широкой «икономии», которую он занимал во многих спорных и неясных вопросах.

«Тем и хорошо православие, – говорил он, – что оно может многое вместить в свое глубокое русло».

Уникальность фигуры патриарха Тихона состоит еще и в том, что может быть впервые лик Святителя такого ранга явлен в мельчайших деталях его человеческой биографии, а не только в его крупных церковных деяниях и в обобщенных формулах его «жития». Промыслительно явленный в самом начале критической, возможно, даже апокалиптической эпохи, этот

светоносный образ православной церковности служит тем маяком, который поможет провести церковный корабль сквозь предстоящие исторические бури и смятения.

Промыслительно и то, что рядом с патриархом Тихоном стоит человек совсем другого типа, которому суждено было назваться следующим патриархом Русской церкви. Митрополит Сергей по масштабу человеческой личности вполне соизмерим с патриархом Тихоном. Глубокая образованность, широта ума, церковная опытность, энергия и настойчивость, способность брать на себя бремя ответственности за трудные решения – во всем этом митрополит Сергей не уступает патриарху Тихону, а в чем-то и превосходит его. Можно согласиться и с тем, что в политическом плане – в тяжелом и далекоидущем компромиссе с требованиями государства, враждебного Церкви, – митрополит Сергей был преемником и последователем святейшего Тихона. Но в церковном, духовном отношении он – его противоположность, антипод.

Общее впечатление от личности патриарха Тихона – благодатная наполненность, стремление всегда и во всем, по мере сил согласовывать свою человеческую волю с волей Божественной. Напротив, весь облик митрополита Сергея несет отпечаток своего рода «практического атеизма» – постоянной готовности выделить ту или иную сферу жизни, в пределах которой человеческая воля не нуждается в участии божественной благодати.

Но суть дела – не в личной харизматичности или ее отсутствии. Самое главное, решающее для судьбы Церкви различие: у патриарха Тихона – полнота переживания и осознания институциональной, управленческой харизмы первосвятительской власти; у митрополита Сергея – глубокое непонимание и последовательное отвержение этой харизмы. Хорошо зная психологию церковного народа, митрополит Сергей не мог грубо и прямо отрицать ее существование. Его концепция была достаточно изощренной и потому представляла особый соблазн для церковного сознания.

Сущность лжеучения митрополита Сергея – в разделении мистического и практического аспектов первосвятительской власти. Мистический аспект (в представлении Сергея – чисто символический) выражался в поминании имени первоиерарха на великом входе во время литургии. Подлинный первый епископ страны – митрополит Петр (утвержденный в этом качестве соборным актом церковной иерархии), отправленный в далекую ссылку, потерял возможность практического управления церковными делами. Несмотря на это, митрополит Сергей настаивал на продолжении литургического поминания митрополита Петра как первоиерарха, и этим, в согласии со всем церковным народом, подтверждал невозможность какого-либо иного возглавления Русской церкви. Несмотря на это, митрополит Сергей самовольно взял на себя управленческую власть и потребовал, чтобы наряду с митрополитом Петром во время великого входа поминали также и его – как полноправного «соуправителя» Церкви. Таким образом, идея раздвоения, расщепления власти на мистическую и практическую получила свое зримое выражение. Неприятие этой ложной идеи было весьма точно выражено в самоназвании церковных оппонентов митрополита Сергея – «непоминающие». Продолжая помянуть митрополита Петра и отказывая в этом митрополиту Сергию, они утверждали истину о том, что мистический и практический аспекты власти неотделимы один от другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.